

Моя корона в моем сердце,
а не на моей голове.

Шекспир

Глава 1

Асенсьон, 1816 год

Знаменитый дуэт «La ci darem la mano» заполнил роскошный театр божественным сплетением голосов — тенора и сопрано, — когда величайший любовник всех времен вновь принялся соблазнять простодушную деревенскую девушку Церлину в бессмертном произведении Моцарта.

Но гений великого композитора сегодня не привлек внимания публики. Блеск биноклей и прокатывающийся по залу шепот свидетельствовали о том, что интерес изысканной аудитории сосредоточен не на сцене, а на главной ложе справа от нее, прямо над оркестровой ямой. Перенасыщенная скульптурными изображениями купидонов, урн и лепных лент, ложа эта принадлежала королевской семье.

Он сидел у мраморных резных перил, неподвижный, с бесстрастным выражением на загорелом лице. Свет со сцены отражался от печатки на его пальце, играл на патрицианском лице, золотил длинные волосы, заплетенные в косичку.

Публика не сводила с него глаз. Вот он пошевелился — впервые с того момента, как поднялся занавес, — небрежно открыл плоскую металлическую коробочку, достал оттуда мятную лепешку и положил ее в рот.

Дамы наблюдали, как он сосал лепешку, и краснели, обмахиваясь веерами.

«Господи, какая скука! — думал он, бросая равнодушные взгляды на сцену, где роль Церлины исполняла его любовница. — Как безумно скучно!»

Вокруг него в королевской ложе сидели привилегированные члены его свиты, молодые повесы, разодетые в пух и прах. У них были такие же скучающие лица, как и у их господина, они так же, как и он, равнодушно смотрели на сцену, но в отличие от него все они были вооружены.

— Ваше высочество, — раздался шепот справа.

Не отрывая тяжелого скучающего взгляда от своей любовницы на сцене, кронпринц Рафаэль Джанкарло Этторе ди Фиори поднял украшенную перстнями руку, отстраняя от себя предложенную ему фляжку. У него не было желания пить, так как в этот момент его одолевали тяжелые мысли.

Едва ли Дантов ад с его огнем и серой мог сравниться с этим адом, называемым королевством, где ему не позволялось даже свободно дышать.

Быть сыном великого человека очень нелегко, однако Рэйфу до сих пор как-то удавалось ладить с отцом, который был не только велик, но и, судя по всему, бессмертен. Разумеется, он не желал смерти родному отцу, но в свете того факта, что завтра ему стукнет тридцать лет, было бы глупо не задуматься о своей дальнейшей судьбе.

Время летит, а он все еще никто. И с тех пор как ему исполнилось восемнадцать лет, ничего в его жизни не изменилось. У него были те же друзья, те же развлечения, он так же купался в роскоши, как и десять, и двадцать лет назад.

Он задыхался в той тюрьме, называемой королевством, потому что был игрушкой в руках короля, и не более того. Он не мог сделать и шагу без разрешения этого проклятого сената, который все его действия выносил на голосование, а потом выдавал свое решение. А еще отец, двор и газетчики! Рафаэль иногда думал, что он скорее заключенный, чем принц, и до сих пор еще ребенок, которому не позволяют стать мужчиной. Как же он устал от этого!

Он просил отца, чтобы тот разрешил ему заняться делом, соответствующим его способностям и образованию. Но старый тиран не желал делиться с ним ни каплей королевской власти.

Жизнь его потеряла смысл. С таким же успехом он мог проспать все эти годы в стеклянном гробу и проснуться, когда придет его время стать королем.

Наконец опера закончилась. Кронпринц с приятелями покинул ложу, когда публика еще аплодировала.

Глядя прямо перед собой, он шел по выложенному мрамором фойе, делая вид, что не замечает собравшихся там людей, посылающих ему подобострастные улыбки и готовых бесцеремонно наброситься на него, как это сделала тучная вульгарная матрона, преградившая ему дорогу.

— Ваше высочество, — выпалила она, приседая в таком низком реверансе, что едва не ткнулась носом в пол, — какое счастье видеть вас сегодня

вечером! Для меня, моего мужа и моих трех очаровательных девочек будет большой честью, если вы придете к нам на вечеринку...

— Весьма сожалею, мадам, спасибо и всего хорошего, — торопливо ответил он, не замедляя шага.

«Господи, спаси меня от подобной тещи!»

Одному из назойливых газетчиков удалось пробиться к нему сквозь толпу, собравшуюся в фойе.

— Ваше высочество, правда ли, что вы выиграли пари на пятьдесят тысяч лир на прошлой неделе, и правда ли, что во время гонок у вашего фаэтона сломалась ось?

— Убери его от меня, — приказал он своему близкому другу Адриано ди Тадзио.

То один, то другой лорд возникали на его пути и с почтительными поклонами говорили:

— Ваше высочество, как прекрасно пела мисс Синклер! Прошу прощения, но кое-кто из моих друзей горит желанием познакомиться с вами...

В ответ он бурчал что-то себе под нос и проходил мимо, не останавливаясь. Наконец они оказались за кулисами театра.

Гордой походкой, с высоко поднятой головой и неприступным видом Рэйф вошел в гримерную и здесь вздохнул свободно. В комнате было несколько полудетых женщин, от вида которых поднималось настроение любого мужчины, даже самого пресыщенного. Женщины. Тепло и приятный аромат, исходивший от их тел, помогли ему снять напряжение. С холодной полуулыбкой он внимательно оглядывал их, еще не решив, на ком остановить свой выбор.

6 — Смотрите! Он пришел!

Освещенная свечами гримерная наполнилась восторженным женским визгом. Они окружили его и начали теревить.

Что-то щебеча и перебивая друг друга, они усадили его в кресло; две актрисы взобрались к нему на колени, хихикая и щекоча ему грудь; другие повисли у него на шее и покрывали его лицо поцелуями.

— Ах! — выдохнул он, впервые за весь вечер улыбаясь, закрыв глаза и лениво развалиясь в кресле. Он получал удовольствие от вцепившихся в него рук, от прижавшихся к нему не стесненных корсетами грудей, от щекочущих его лицо локонов. — Я люблю театр.

Он слушал их хихиканье, чувствовал, как их пальчики шарят по его карманам в поисках какой-нибудь безделушки. Он сам испортил их, регулярно преподнося им в подарок ювелирные украшения.

Мягкие губы впивались в его рот. Вскоре он начал возвращать поцелуи, чувствуя, как возрождается к жизни. Лапая женские тела, где ему вздумается, он перепробовал поцелуи каждой из них, но тут пришла Хлоя, и веселье закончилось.

Рэйф наблюдал, как английская дива с самоуверенным видом шла к нему в облегающем серебряном платье.

У его последней игрушки было безупречное тело и сияющая улыбка. Они были любовниками вот уже четыре месяца — рекордный срок для Рэйфа. Теперь он думал, как сказать ей поделикатнее, что она больше не вызывает у него никаких эмоций. Он очень надеялся, что она сама догадается об этом.

Хлоя пришла в ярость, увидев, что сестры по ремеслу облепили ее титулованного по-

кровителя. Сняв с плеч боа, она бесцеремонно растолкала актрис и накинула его на шею Рэйфа, сердито глядя на него, но не осмеливаясь высказаться вслух.

— О, как оно прекрасно на нем смотрится! — воскликнула одна из девушек, завязывая ему боа наподобие шарфа.

— Ему все идет, — вздохнула другая.

Он посмотрел на нее с интересом и вдруг подумал: а он сам был когда-нибудь таким же молодым и впечатлительным?

— Посмотри-ка сюда, принц Рэйф! — позвала его полная брюнетка. И когда он повернулся к ней, она смело задрала подол платья, обнажив округлую ягодицу.

На нежной коже красовалась татуировка в виде буквы «Р». Принц осторожно провел по ней пальцем:

— Какая прелесть, моя кошечка! Повтори мне еще раз свое имя.

— Убирайтесь отсюда, маленькие бродяжки, или я позову управляющего, и он немедленно уволит вас! — в гнев вскричала Хлоя.

Рэйф усмехнулся, наблюдая за действиями своей взбешенной любовницы, но промолчал, когда девушки с поникшим видом стали расходиться. Его друзья останавливали их и заманивали в свои сети.

— Прощайте, прощайте, маленькие потаскушки! — Он насмешливо оглядел высокомерную блондинку. — А теперь ваша очередь, мадам.

Она наклонилась к нему, ухватилась за концы боа и потянула их в разные стороны.

— Совершенно верно, — прошептала она, не спуская с него пристального взгляда. — Ты, мой

дьявол, пойдешь со мной. Я должна наказать тебя за то, что ты спал во время моей арии. Не думай, что я ничего не видела.

— Я не спал, но ты можешь наказать меня, если считаешь нужным. — Он поднялся, возвышаясь над ней словно башня.

Рассмеявшись, она ухватила за боа и потащила его за собой. Голодный взгляд Хлои обещал ему божественное наслаждение. Впрочем, он предпочитал не замечать того покорного обожания, которое светилось в ее глазах.

— Увидимся около двух часов в клубе, — сказал он своим друзьям, открывая дверь для Хлои, которая наконец стянула боа с его плеч.

— Чао, — взмахнул рукой Адриано, поправляя на лбу черную прядь.

— Желаю приятно провести время, — пожелал Никколо, глупо ухмыляясь.

И тут Рэйф услышал, что кто-то зовет его:

— Ваше высочество! Ваше высочество!

Стоя в дверях, он повернулся и увидел королевского курьера, который протискивался к нему сквозь толпу актрис. Он моментально напрягся, сдерживая негодование.

«Послание от короля!»

Пока курьер пробирался к нему, Рэйф глубоко втянул в себя воздух и медленно выдохнул его — он был человеком, который умеет держать себя в руках. Его отец быстро впадал в ярость, поэтому принц гордился тем, что в любой ситуации может сохранять хладнокровие.

— Как сегодня чувствует себя мой дорогой отец? — спокойно спросил Рэйф с едва заметной иронией.

— Его величество зовет вас к себе, ваше высочество, — ответил курьер кланяясь.

Рэйф посмотрел на него долгим взглядом. На лице его была вежливая улыбка, а зеленые глаза потемнели от гнева.

— Скажи королю, что я зайду к нему завтра в полдень. После того как позавтракаю.

— Прошу прощения, ваше высочество, — пролепетал курьер, снова кланяясь, — король настаивает, чтобы вы явились немедленно.

— К чему такая спешка?

— Я не знаю, синьор. Его величество прислал за вами карету.

— У меня есть своя карета, — процедил Рэйф, догадываясь, что отец специально прислал за ним экипаж, наверняка прослышав о его пьяных гонках в прошлую среду, слухи о которых тут же распространились по городу.

Вне всякого сомнения, причиной такого экстренного вызова было желание отца устроить ему разнос и, как всегда, перечислить его многочисленные проступки, недостойные будущего короля, напомнить ему, что он человек безответственный, легкомысленный и дело кончится тем, что придворные сожрут его живьем, и так далее и тому подобное.

У него сегодня не было настроения выслушивать очередную нотацию.

А тем временем его друзья, любовница и очаровательные молодые обожательницы с любопытством следили за их разговором, ожидая, чем это все закончится.

10 Он снова оказался перед выбором: либо насто-

ять на своем, либо, как обычно, покорно исполнить волю отца.

— Я немедленно отправлюсь к его величеству, но воспользуюсь своей каретой.

— Как вашему высочеству будет угодно. — Курьер не смог скрыть облегчения и стал пятиться, низко кланяясь.

Повернувшись к своей любовнице, Рэйф галантно поцеловал ей руку, хотя мыслями в этот момент был уже за миллион миль от нее.

— Приношу свои извинения, моя конфетка.

— Все в порядке, дорогой, — промурлыкала она, лаская его руку и многозначительно глядя ему в глаза. — Ты получишь свой подарок завтра, в день рождения.

— Не могу дождаться, когда увижу его, — прошептал он с понимающей улыбкой.

Рэйф зашагал по коридору, думая о жестокости отца, хотя ему давно пора было привыкнуть к этому и перестать удивляться.

Когда он вышел на улицу, богато украшенная золоченая карета, которую король, чтобы лишний раз унижить его, прислал за ним, только что отъехала от крыльца. Неподалеку стояла его новая карета, с панелями красного дерева и упругими рессорами, изготовленная лучшим каретным мастером королевства и обошедшаяся ему в целое состояние.

Направляясь к ожидавшему его экипажу, Рэйф вдыхал душистый морской воздух, его взор скользил по гряде невысоких гор, возвышавшихся вдаль и опоясывающих остров, который вот уже семьсот лет принадлежал его семье.

Перед ним, освещенный лунным светом, простирался портовый город; его дома были построены на террасах, спускающихся со склона горы. Фонарные столбы на набережной освещали тусклым светом стройные пальмы, раскачивающиеся от ночного ветерка. Он повернулся, подставляя чисто выбритое лицо ночному бризу, и его взгляд скользнул по кустам пурпурных олеандров, росших среди валунов, огораживающих пляж.

Он посмотрел на вытянувшиеся вдоль пляжа магазины с раскрашенными вручную вывесками. Дома на верхних уступах террас с маленькими резными балконами из кованого железа смотрели фасадами на гавань и каменистый пляж. Дверные проемы были увиты тяжелыми гроздьями белого жасмина, сладкий аромат цветов заглушал рыбный запах, доносившийся с рынка, расположенного на берегу моря.

— Асенсьон! — прошептал он с такой нежностью, как будто это было не название острова, а имя его возлюбленной. Этот волшебный остров был его наследством. Он знал, что не за горами тот день, когда он станет правителем этой жемчужины Средиземноморья. И ради этого Рэйф готов был вынести любое унижение, которому подвергал его король. Он хотел быть хорошим правителем, но, пока жив его отец, он может об этом только мечтать.

Сейчас его считают «несчастьем» королевской семьи. Но когда-нибудь он всем покажет, на что он способен.

Вздыхнув, Рэйф сел в карету, и грум закрыл за ним дверцу. Принц стукнул в стенку экипажа, и лошади тронули. Быстро миновав маленький пор-

товый город, карета свернула на королевскую дорогу, которая вилась по склону холма, направляясь к столице государства Белфорту.

Здесь Рэйф внезапно вспомнил, что, уезжая, забыл предупредить своих телохранителей. Ничего страшного. Они сами догадаются и нагонят его. Во всяком случае, он в них не нуждается. Постоянное сопровождение из шести огромных головорезов было еще одним напоминанием, что пока он не кто иной, как изнеженный королевский узник.

Он грустно смотрел из окна кареты на мелькавший за окном пейзаж. Окрашенное в свете луны в цвета серебра и индиго, его королевство проплывало вдоль дороги, как проплывала мимо него вся его жизнь.

Черт бы побрал эти дни рождения, подумал он. Когда он станет королем, то первым делом их отменит.

Освещенная луной, королевская дорога голубой лентой убегала вдаль. В напряженной тишине они наблюдали за ней из леса, и каждый спрашивал себя, увенчается ли успехом их ночное бдение. Вот мимо них проехала позолоченная королевская карета. Прошло немного времени, и вдали показался роскошный экипаж, запряженный четверкой гнедых лошадей.

— Выглядит заманчиво, — прошептал Матео, и в этот момент раздался крик совы — это Джанни подал им сигнал.

Всадник-в-Маске кивнул и жестом приказал своим друзьям рассредоточиться и быть готовыми к нападению.

Бандиты бесшумно растворились в ночи.

Колесо попало в яму, и карета подпрыгнула на новых рессорах. Рэйф раздраженно поморщился и только собрался отчитать кучера за неосторожность — ему не хотелось снова выкладывать за рессоры кучу денег, — как внезапно услышал крики и ржание лошадей.

В ночной тишине раздалась ружейные выстрелы.

Рэйф нахмурился, выглянул в окно, сердце его бешено забилося.

«Будь я проклят! Всадник-в-Маске. — На его лице появилась дьявольская усмешка. — Наконец-то мы встретились».

Он увидел, что разбойников много, но в докладах, которые он регулярно получал, неоднократно подчеркивалось, что этот грабитель никогда не убивает людей, и поэтому принц был скорее заинтригован, чем встревожен. К тому же его собственная безопасность охранялась королевским законом. Он открыл ящик, спрятанный под сиденьем, и достал оттуда пистолеты, уже заряженные и готовые к бою. Один из них он засунул в карман, а на втором взвел курок и ехидно улыбнулся: «Нахальный маленький ублюдок, ты и не догадываешься о том, какой сюрприз тебя ожидает».

Он давно уже с интересом следил за «подвигами» дерзкого разбойника, прозванного в народе Всадником-в-Маске, по сообщениям в газетах, которые во всех подробностях описывали его похождения. Он смеялся каждый раз, когда молодой разбойник грабил его приятелей, хотя жертвы грабежа не видели в этом ничего смешного.

Даже люди короля, облеченные властью, не
14 могли поймать Всадника-в-Маске и его банду.

Зато простые люди острова обожали молодого разбойника, который, судя по всему, грабил только богатых и одаривал бедных.

Рэйф пришел к выводу, что у парня есть свой стиль. Именно поэтому он не сомневался, что неуловимый Робин Гуд никогда не осмелится ограбить наследника престола и выставить его на посмешище. У принца и без того было полно проблем, так как люди не одобряли его дикие выходки.

Сознание того, что королевские телохранители вот-вот его догонят, вызвало на лице Рэйфа злую усмешку.

Подняв пистолет, он распахнул дверцу кареты и приготовился к атаке.

А в это время Всадник-в-Маске приказал кучеру остановиться.

Верхом на длинноногом жеребце, истинный цвет которого был скрыт под слоем сажки, Всадник-в-Маске вместе со своей бандой подскакал к карете и схватил одну из лошадей под уздцы. Кучер направил на разбойника пистолет, но тот не обратил на это внимания, поскольку сам был безоружен и не собирался проливать чужую кровь.

Лошади уже почти остановились, но в это время дверца кареты распахнулась, и в проеме показалась внушительная мужская фигура.

— Стоять! — последовала команда, и следом раздался выстрел.

Разбойник не испугался выстрела и наклонился к лошади, пытаясь остановить карету.

— Дэн! — в ужасе вскрикнул Матео.

Конь разбойника заржал и встал на дыбы, почувствовав запах крови.